

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

1. ПЕСНОСЛОВ

Клюев из "Нового" вышел "Завета".
Клюев над бездной вздымает крыла.
В нём воссияла История века,
В нём уместилась российская мгла.

Клюев – эпический, страждущий, вечный.
Клюев – святитель и воин в седле.
Это и путь устоявшийся Млечный,
Это и путник на грешной земле.

В русской деревне родился, крестился.
Бог наделил его даром Певца.
Сыном Есенин ему приходился
И оставался родным до конца.

"Плач по Есенину" в небе витеает
И ниспадает на лето и луг.
Истовым чибисом Клюев рыдает:
"Сны ты мой верный,
последний мой друг!".

"Дай мне твою почерневшую руку!
Кудри вы, кудри, в чад у золотом!".
...Лезвие, вены вскрывавшее другу,
Пулей для Клюева станет потом.

2. РАЗГОВОР С ПУШКИНЫМ

Александр Сергеевич, добрый вам день!
Как вам нынешний воздух московский?
Рядом с вами, я вижу, является тень –
Это глыба-поэт Маяковский!

Он беседовал с вами полвека назад
Уважительно, самозабвенно,
Его мощного голоса львиный раскат
Удивил вас тогда несомненно.

А Есенина помните? Ваш разговор,
Где он с трепетом к вам обратился?
Но убили его. С этих горестных пор
Свет поэзии в ночь закатился.

Незабвенный Есенин дорогу торил,
Свой могучий талант попрекая,
"Как у Пушкина мне бы судьбу!" – говорил,
А она ведь и вправду такая.

Вы Ахматову помните наверняка,
Её женского сердца свечение
И "О Пушкине слово", где – то ли строка,
То ли речи живое течение.

К вам стремились поэты во все времена
Для судьбы, для полночной беседы.
Темноликим кентавром спешил Пастернак,
И отравы, и славы отведав.

Верный Клюев, как древо, тянулся до вас –
Песнослов и отчаянный витязь.

Но себя и Россию от смерти не спас,
Умирая, вам крикнул: "Спаситесь!".

А Цветаева плакала пагубным "П":
"Пунш и полночь!" "Психея и Пушкин!"
А потом пропадала на поздней тропе,
Знать, готовила сердце в кукушки.

Владислав Ходасевич вас нежно любил
И за далью в тоске ежечасной
Ваши страстные строки навзрыд пригубил,
Как порезала бритвой опасной.

Проплывал Гумилёв, словно пьяный корабль,
Но ни славой своею, ни лестью
Не обидел он вас, только в звёздных мирах
Прозвенел офицерскою честью.

Невзначай появлялся простуженный Блок,
Во Вселенной узревший поломку.
Он дознаться до истины так и не смог,
И читал вам свою "Незнакомку".

Вы стояли над вспышками сонной Москвы,
Два столпа, два святых Александра,
Две курчавых главы, вдалеке от молвы,
Наклонив из небесного сада.

Александр Сергеевич, мир – это зал,
Тот, какой золотили вы словом.

Ну, а я так негромко, так мало сказал,
То к зерну прислонясь, то к половам.

Вам о предках славян декламировал Блок,
Жизнь свою разбросавший по рифам.
Он в поэме своей, отчеканивши слог,
Поклонился стремительным скифам.

3. ОЛОНЕЦКИЙ БОГАТЫРЬ

"Грядёт богатырь Олонецкого корня!" –
В миру начертала поэзии длань...
Ты – корень Руси, потому непокорен.
Тебе твоя рифма звенела: – Восстань!

И ты восходил среди мрака и хлама
Светилом поэзии, сочен и груб.
Тебе, как медведю, готовилась яма, –
Но ты в ней закладывал солнечный сруб!

Катилась Москва фавориткою красной,
Грозила железом и стынью свинца.
Болезнь революции стала заразной
И вбила в Россию начало конца.

Ты был предводителем русских поэтов,
И золотом слов – пересиливал тлен.
Где Бедный Демьян богател от куплетов,
Ты властью жидовского был убиен.

...Один за другим уходили в бессмертье:
Приблудный, Клычков и Есенин Сергей,
Орешин и Ганин – несчастные дети
Великой России, не спасшей детей.

4. ПОСЛЕДНИ ДНИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА В ТОМСКЕ

*Я сгорел на своей Позорельщине,
как некогда сгорел мой прадед
протопоп Авакум
на костре пустоозёрском.*

5. СЕРГЕЮ КУНЯЕВУ, автору книги "Николай Клюев"

Не в смерть, а в жизнь введи меня...
Николай КЛЮЕВ

В окна была метель
и, стеной, носилась над Томском,
Отпевала поэта и грызла камня тюрьмы.
Донесла ли метель – позабывшим поэта потомкам –

Весть о гибели Клюева
в хладном преддверье зимы?

Леденела душа величайшего в мире Поэта,
Где, как нищий,
провёл он остатние, горькие дни,
Где он пулю нашёл

вместо белого ясного света,
а гробы проплывали над ним.

Он уже изнемог,
он на нарах лежал, как в мертвецкой.

Рядом Томск деревянный
мерцал, как родная изба,

Но спасти не сумел
Гамаюна земли Олонецкой,

Авакумова отпрыска, чья догорала судьба.

Он не ведал уже, где его упокоятся кости,
Сквозь житейские вёрсты
себя по-бурлацки влачил.

Умирал, как зозуля,
о малиновом думал погосте,

Но в крошечной тоске
и во мгле бессердечной почил.

Пуля смерчем вошла
в его бречное, жгучее тело:

Запылал небосвод,
и земная обуглилась твердь...

В нём взалкал Авакум!
И он пал, не почуяв предела

Своей жизни, любви,
не почувствовал жадную смерть.

С ним простился Христос
и поднялся на вечное небо.

Был ли Клюев небесный? Железный? Он есть!
Принимавший в объятья –

Плутарха, Гомера, и Феба,
И, оставивший миру – поэзии Совесть и Честь!

Навстречу несутся тасманские ели
Под свист хулиганский
цыганской свирели,
И рык разъярённой
басовой струны –
Бегущих колёс
сквозь страну тишины.
Кружит, словно в вальсе седая гора,
Сегодня любовник, чур, буду не я.

Залман ШМЕЙЛИН

НОСТАЛЬГИЯ

Она слегка приволакивает
заднюю лапку.
Считают, что у этой породы собак,
Размером
чуть больше медвежьей шапки,
С сильными мира сего

до безумия дерзкой –
Это верный генетический знак,
Недвузначно королевский.

Романтику оставим Вероне,
В собачьих рангах
отноудь не пешка, –
Охотник она ломовой.
Не одна пара наглых,
крикливых ворон,

Обманувшись
её добродушной внешностью,
Поплатилась своей головой.

И только глянула –
что за чудак,
Когда ты притащила её в мой дом –
Не заискивала, хоть тресни.
На всякий случай
прошлась под столом –

Ясно, –
здесь не бывает других собак,
А такие места ей не интересны.

А потом ты ушла и она легла,
Притулившись ко мне
чуть дрожащим боком.
Как ты обещала,
вполглаза спала,
Не вникая в драмы телевизора,
От меня не ждала большого прока
В защите маленьких и бесправных.

Её сердце дрожало от нежности –
не ко мне,

Перешла на диванчик,
возле которого твои тапочки.

Час за часом
валется пёстрой тряпочкой
Там, где запах твой
от каждого лоскутка,

И в глазах её,
на самом, на самом дне,
Человеческая тоска.

Плещет вода по пояс:
возле которого твои тапочки.
Ритмы, догадки, гланец –
Мимо.
Поэзия – то, что останется.

Некто, но не Камознс,
которого я не знал
По целому ряду причин,

Пишет стихи, как берут интеграл
От мизерных величин.

С налёту покажется ого-го!
Вот пример так пример.
Но отчего же при отжиме
В остатке нет ничего...

Подошёл знакомый Зямич
В куртке кожаной "реглан", –
На нём не смотрится.
А потом Иван Абрамыч
(У него сейчас роман)
С диабетом и своей пулеметчицей.

Стало, как в "однушке", тесно
Обсуждается изъязь –
Разговор на повышенных.
Что-то с пюзом у невесты
И к тому же где-то сан
Не прописанный.

Мнений – "килька в маринаде"
Сомневается народ,
Изнасилованный теликом,
Есть ли шансы у команды
"Киевский хлебозавод"
Против "ЦЭ-ЭС-КА" и "Терека".

Она приходит, когда захочет,
Роеся в своих платьях.
И я кричу ей что было мочи:
Довольно! Пора убираться!

Вещи на свалку – и всё забыто,
Только у горничной
вздрагнут бровки.

Она две недели назад убита
Своим безумным любовником.

Ей назначалась любовь-чума
Пулей из недр нагана.
Всё это было меж строк письма
Из её незаконченного романа.

НЕКТО КАМОЗНС...
Некто, возможно Камознс,
Говорил – в настоящих стихах
Совершается то, чему имени нет
Ни в наречиях, ни в языках.

Некто, возможно Камознс,
Говорил, что в стихах

Ярослав КАУРОВ

Навязавшая миру слепую Фемиду,
Над планетою силится
властвовать власть
Эта маленькая колыбель геноцида.

Хвалят тех,
кто не хочет подняться с колен!
Европейцев предательство
нам надоело!

Мы должны разорвать
этот тягостный плен
И смотреть им в глаза
через прорезь прицела!

Есть свои в России фрукты.
Отвернулись? В добрый путь!
Без отравленных продуктов
Проживём уж как-нибудь!

Ты поездишь автостопом,
Раз не хватит на билет –
Мы Америку с Европой
Окружаем сотни лет!

Вы не лезьте в эту тину,
Вы оставьте миражи.
Половине половину
Невозможно окружить!

СМОЛЕНСКОЙ
БОЖЬЕЙ МАТЕРИ
Неслыханный,
невиданный по силе
Высоких чувств
Божественный накал,
Мы после реставрации открыли
Неведомый сегодня идеал.

На нас глядит
России образ древней
В кольце врагов,
войне со всех концов.
Тревожно и взволнованно,
и гневно
Смоленской Божьей Матери лицо.

Она несёт Божественное слово,
Чудесную рождает благодать,
И сердце своё нежное готова
За каждого бездомного отдать.

Она спасёт!
Она для нас защита
В кровавых битвах
против басурман!
Она предателей разгонит свиту
И злобу остудит
враждебных стран.

Она скорбит
о пьяных и заблудших,
Заботится о каждом босяке.
Она для всех
желает доли лучшей,
но чудится,
что меч в её руке.

Открытым будь
и искренним, и верным,
Всё сбудется,
о чём ни попроси,
и окружи
любовью беспримерной
Вселенскую защитницу Руси!

Окружила великана
Злобных карликов стена.
Окружили тараканы
Добродушного слона.

Разздорились задиры
Распоясались срамно:
"Мы возьмём в тиски полмира!
Злобных карликов полно!".

Нет такого минерала –
Ни урана, ни угля,
Чтоб земля нам не давала –
Наша русская земля.

Окурила великана
Злобных карликов стена.
Окуружили тараканы
Добродушного слона.

Разздорились задиры
Распоясались срамно:
"Мы возьмём в тиски полмира!
Злобных карликов полно!".

Нет такого минерала –
Ни урана, ни угля,
Чтоб земля нам не давала –
Наша русская земля.

Окурила великана
Злобных карликов стена.
Окуружили тараканы
Добродушного слона.

Разздорились задиры
Распоясались срамно:
"Мы возьмём в тиски полмира!
Злобных карликов полно!".

Нет такого минерала –
Ни урана, ни угля,
Чтоб земля нам не давала –
Наша русская земля.

Окурила великана
Злобных карликов стена.
Окуружили тараканы
Добродушного слона.

Разздорились задиры
Распоясались срамно:
"Мы возьмём в тиски полмира!
Злобных карликов полно!".

Нет такого минерала –
Ни урана, ни угля,
Чтоб земля нам не давала –
Наша русская земля.

Маленькая поэма

1.
Опять метель, опять зима –
Морозы и простуды,
В душе такая кутерьма,
В эфире – пересуды.

А в голове сомнений тьма
И нет покоя всюду,
Хоть есть здесь пища для ума –
Питайся ей хоть задарма.

Пока уют у нас в домах
Пока не пусто в закромах,
И стыд не сброшен блудом,
Ну а детишки – чудо,
То жизнь – неписанный роман,
Идей – у каждого – карман.

Здесь нужен творческий размах,
Ведь планов – в нескольких томах.

2.
Я за бугром бывал не раз.
Видал фасад и за фасадом...
На что-то Запад и горазд,
Но не хочу быть даже рядом.
Мой вывод чёткий и простой:
Средь бела дня туман густой,
Там толпы мечутся, спешат,
Их сонм страстей обуревают.
Пиастры, марки гроношат,
Но крах и бизнесу бывает –
Их тоже в лапы обувают.

Фасад на редкость – загляденье,
Но жажнут, жаждут – денег, денег!..
Без них там не люди, а тени,
И нет безденежным почтенья...

3.
Рождён и прожил много лет
Я в Подмосковье чудном, милом.
Хочу на праведной земле
Чтоб упокоенье мне было.

И походил, и полетал –
Багаж мой путника немалый.
Но есть во мне, как гвоздь, черта,
На всю теперь уж жизнь застряла.
Хожу, бегу, лечу – не ною,
Смыкая ветер за спиной,
Вновь обновляя лыжный след
На лыжах, что дарил сосед,
Прощаясь с жизнью земною,
Уйдя туманною дорогой.
А был он лыжником от Бога...

4.
Люблю, когда пуржит зима,
Когда, стеснясь, рвётся тьма.
Она бодрит, гоняя кровь по жилам.
А я творю – что всё ещё по силам, –
То, что давно уже
в строку просилось.

В мозгу рождаются виденья,
Лиают сна ночные бденья,
Весь мир мечты в твоих руках –
Так оседлай её достойно
(Сегодня Мир порочен и лукав,
Эх, вот вернуть бы
времена застоя!),
Спокойно, дерзко и упрямо,
Беря в пример –
да хоть Хайяма...

Иль по-испански,
по-английски,
Всем
хлеб жующим,
воду пьющим,
И даже водку,
писку,
виски,
Я пожелал бы,
чтоб не склизко

Им было в зиму-непогоду.
И всем народам – поклон низкий,
Но избегайте, люди, риска.
Жизнь будет пусть как та река –
И широка и глубока.
И на земле мы всё ж – пока
Над нами Бог и... облака.

...А я немного не из тех,
Забав чужаюсь и потех.
Но с детства жалую лишь лыжи
И след торю – наперекор.
А где-то там, ну пусть в Париже,
Дождит природа до сих пор.
А мне зима родней и ближе,
Всегда манит её простор.
Да и какой в душе костёр!
Словно Эол ко мне простёр
Свои магические длани.
И ты бежишь быстрее лани...

Но это было не сейчас,
Задор уж несколько угас,
Остался лишь душевный пламень,
Чтоб взять силенок утром ранним...

Природа пред тобой лежит
И часто голову кружит,
И заставляя жить да жить,
И, безусловно, дорожить –
Минутой прожитой.

Об этом знаешь ты и сам,
Дивясь природы чудесам,
Ведь жизнь у нас всегда экзамен:
Полно забот, миллион терзаний,
И сердце, полное дерзаний,
Ах, больше б сил, да дух тарзаний!

7.
И только зимними деньками
Взбрыкну лыжонками порой –
Полубоваться хоть лесами,
Ведь на лыжне уж не герой.
Но как искрится белый снег!
Он часто снится стал во сне,
А днём доволен я вполне
И благостно готов жене
Всё-всё прощать на той волне...

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

Расхлебснущи одежку
И промочив дотла ножонки
Народец хлесткий, озорной
Не замерзает, как в парной.
И вверх и вниз, с горы и в гору,
Да что с них взять в такую пору!
Снут, играючи в пургу,
Я лишь завидовать могу.

На санках, лыжах и в корзинах,
И на подстилках из резины –
И не нужны им лимузины! –
Лишь задышав от восторга,
Оравой оседлали горку.

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

Расхлебснущи одежку
И промочив дотла ножонки
Народец хлесткий, озорной
Не замерзает, как в парной.
И вверх и вниз, с горы и в гору,
Да что с них взять в такую пору!
Снут, играючи в пургу,
Я лишь завидовать могу.

На санках, лыжах и в корзинах,
И на подстилках из резины –
И не нужны им лимузины! –
Лишь задышав от восторга,
Оравой оседлали горку.

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

Расхлебснущи одежку
И промочив дотла ножонки
Народец хлесткий, озорной
Не замерзает, как в парной.
И вверх и вниз, с горы и в гору,
Да что с них взять в такую пору!
Снут, играючи в пургу,
Я лишь завидовать могу.

На санках, лыжах и в корзинах,
И на подстилках из резины –
И не нужны им лимузины! –
Лишь задышав от восторга,
Оравой оседлали горку.

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

Расхлебснущи одежку
И промочив дотла ножонки
Народец хлесткий, озорной
Не замерзает, как в парной.
И вверх и вниз, с горы и в гору,
Да что с них взять в такую пору!
Снут, играючи в пургу,
Я лишь завидовать могу.

На санках, лыжах и в корзинах,
И на подстилках из резины –
И не нужны им лимузины! –
Лишь задышав от восторга,
Оравой оседлали горку.

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

Расхлебснущи одежку
И промочив дотла ножонки
Народец хлесткий, озорной
Не замерзает, как в парной.
И вверх и вниз, с горы и в гору,
Да что с них взять в такую пору!
Снут, играючи в пургу,
Я лишь завидовать могу.

На санках, лыжах и в корзинах,
И на подстилках из резины –
И не нужны им лимузины! –
Лишь задышав от восторга,
Оравой оседлали горку.

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

Расхлебснущи одежку
И промочив дотла ножонки
Народец хлесткий, озорной
Не замерзает, как в парной.
И вверх и вниз, с горы и в гору,
Да что с них взять в такую пору!
Снут, играючи в пургу,
Я лишь завидовать могу.

На санках, лыжах и в корзинах,
И на подстилках из резины –
И не нужны им лимузины! –
Лишь задышав от восторга,
Оравой оседлали горку.

И так – во всём зимы угаре,
И что вы там ни говорите –
Мне дене чудесный был подарок!
Но будь ты чех или болгарин,
Иль говорящий на иврите,

ЭСАВ
Я твой, Иуда, нелюбимый сын –
Груб, волосат,

пропах мужицким потом.
Меня вдгонку обзовут "косым"
Брезгливые девчонки дяди Лота.

Мне душно за кирпичною чертой –
Люблю простор,
ночное небо в звёздах,
Журчанье струй,
пустыни быт простой.

И непогоды мрак и рокот грозный.
Не стану я, как мой зануда-брат,
Себя морить постами и молитвой.
Помилуй, Бог, ну чем я виноват,
Что мне милей погоня,
ярость битвы.